

DOI 10.31250/2618-8600-2024-2(24)-115-137

УДК 391(=512.145)(282.247.42)

Е. Е. Нечвалода

Институт этнологических исследований УФИЦ РАН

Уфа, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-5267-4830

E-mail: pishi-nikonor@yandex.ru

«Кунгурские и Уфимские татарки» в иллюстрациях Г. Ф. Миллера и текстах И. Г. Гмелина (особенности женского костюма татар Прикамья и Приуралья XVIII в.)*

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу изображений, послуживших иллюстрациями к сочинению руководителя Академического отряда Великой Северной экспедиции Г. Ф. Миллера. Объект исследования — три гравюры, аннотированные как изображения «Кунгурских и Уфимских татарок». Отсутствие характеристики одежды татар в тексте Г. Ф. Миллера и неконкретность аннотации к этим изображениям не давали возможности использовать эти гравюры в качестве полноценного историко-этнографического источника. В силу названных обстоятельств оставались открытыми важные для этнографии татар вопросы: был ли единым костюмный комплекс у указанных групп или существовали локальные различия в их одежде; в чем они выражались; какие изображения были сделаны с кунгурских татарок, а какие — с уфимских? Определить принадлежность изображенных костюмов к «кунгурским» (сылвенско-иренским) и «уфимским» (бисертским татарам) помог анализ иллюстраций Г. Ф. Миллера с привлечением сведений, содержащихся в описаниях И. Г. Гмелина (участника экспедиции, члена Академического отряда). Детальные совпадения изображения и описания головного убора «уфимской татарки», близкие соответствия запечатленному убору в этнографических материалах позволяют сделать вывод, что эти визуальные образы весьма точны и достоверны. Полученные в результате проведенного исследования выводы позволяют атрибутировать изображения татарок в сочинении Г. Ф. Миллера и ввести их в научный оборот уже в новом качестве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, одежда татар, традиционный костюм в графике XVIII в.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Нечвалода Е. Е. «Кунгурские и Уфимские татарки» в иллюстрациях Г. Ф. Миллера и текстах И. Г. Гмелина (особенности женского костюма татар Прикамья и Приуралья XVIII в.). *Этнография*. 2024. 2 (24). 115–137. doi 10.31250/2618-8600-2024-2(24)-115-137

* Исследование выполнено в рамках государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН № 122041900118-5 на 2021–2024 гг.

E. Nechvaloda

R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies,
Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy
of Sciences
Ufa, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-5267-4830
E-mail: pishi-nikonor@yandex.ru

The Kungur and the Ufa Tatar Women in Illustrations by G. F. Müller and Texts by I. G. Gmelin: Tatar Women's Costumes of the Kama Region and the Urals in the Eighteenth Century

ABSTRACT. The article analyzes several illustrations to the publication by G. F. Müller, who served as the head of the Academic Department of the Great Northern Expedition. The paper focuses on three prints entitled *The Kungur* and *Ufa Tatars*. The commentaries on these images are not specific and lack a description of the Tatar clothing, which does not allow the use of these images as full-fledged historical and ethnographic sources. They did not give an idea of whether the costume complex was the same for all the Kungur and the Ufa Tatar women or whether there were local differences in their clothes, how they were expressed, which images were taken from the Kungur Tatars and which from the Ufa Tatars. The author compared G. F. Müller's illustrations against the descriptions by I. G. Gmelin, another member of the Academic Department of the Great Northern Expedition. Gmelin's commentaries helped to determine the costumes belonging to the "Kungur" (Sylven-Irensk) and the "Ufa" (Bisert) Tatars. The fact that the details of the images coincided with the description of the Ufa Tatar woman headdress, the close correspondence to the depicted headdress to other ethnographic sources, is a significant finding. This allows the author to conclude that the visual images under consideration are very accurate and reliable. The study not only offers accurate attribution to G. F. Müller's images of Tatar women but also introduces them into scientific circulation in a new capacity.

KEY WORDS: G. F. Müller, I. G. Gmelin,
Tatar clothing, traditional costume in
the eighteenth-century graphics

FOR CITATION: Nechvaloda E. The Kungur
and the Ufa Tatar Women in Illustrations
by G. F. Müller and Texts by I. G. Gmelin:
Tatar Women's Costumes of the Kama Region
and the Urals in the Eighteenth Century.
Etnografia. 2024. 2 (24): 115–137. (In Russian).
doi 10.31250/2618-8600-2024-2(24)-115-137

Г. Ф. Миллер руководил Академическим отрядом Второй Камчатской (Великой Северной) экспедиции (1733–1743), который направлялся в Сибирь через Екатеринбург. Подготовленное на основе собранных во время экспедиции материалов сочинение Г. Ф. Миллера «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков» увидело свет в виде отдельного издания на русском языке только в 1791 г. (Миллер 1791). Начиная характеристику традиционного костюма татар, чуваш, марийцев, удмуртов, ученый отметил, что, по сравнению с мужской одеждой, которая ему показалась мало отличной от русской, «в женском платье есть большая разность; чего ради за потребно разсуждено, дабы их праздничную одежду сличить с платьем Кунгурских и Уфимских татар, с онаго платья снять рисунки» (Миллер 1791: 14–15). Иллюстрацией к его сочинению служили сделанные на основе этих рисунков 8 гравюр, на которых были запечатлены женские фигуры — представительницы описанных им народов в своих традиционных костюмах (марийский костюм — 2 гравюры, чувашский — 2 гравюры, удмуртский — 1 гравюра, татарский — 3 гравюры). Они обращены к зрителю либо лицом, либо спиной, причем марийский и чувашский костюмные комплексы показаны в двух ракурсах (анфас, вид сзади), в чем нетрудно увидеть желание дать наиболее полное представление о комплекте одежды и украшений. В этом читается вполне научный, этнографический подход к фиксации материала по традиционному костюму. Опубликованные в качестве иллюстраций изображения несовершенны в художественном плане: запечатленные на них фигуры женщин имеют искаженные пропорции тела. Но при этом можно заметить, что на одежде и украшениях, изображенных на этих фигурах, есть детали, имеющие соответствия в более поздних этнографических материалах, которые можно было зафиксировать только с натуры.

Сами рисунки в издании не аннотированы, но пронумерованы. Комментарии к ним автор сделал в тексте. Так, он сообщает: «На рисунках № 6, 7 и 8 изображено с платья Кунгурских и Уфимских татарок, которых мне случилось видеть в полном их уборе между реками Окою и Кунгуром и между Кунгуром и Рифейскими горами и с онаго приказал я снять рисунки» (Миллер 1791: 26). Г. Ф. Миллер обозначил границы ареала, на территории которого были сделаны рисунки костюмов: на юге это небольшая речка Ока (правый приток реки Ик, исток находится на территории Свердловской области, протекает по северу Мечетлинского района Республики Башкортостан), на севере — р. Кунгур, на западе — также р. Кунгур, на востоке — Уральские горы¹.

¹ В очерченном Г. Ф. Миллером ареале удивляет обозначение южной границы по р. Оке: маршрут экспедиции пролегал севернее даже р. Уфы, а р. Ока — приток р. Ик — протекает еще южнее.

Исследователи традиционного татарского костюма уже отмечали, что отсутствие конкретной информации о месте создания полевых зарисовок не позволяет соотнести иллюстрации Г. Ф. Миллера с определенной группой этноса: «По этим аннотациям мы все же не можем выяснить, какой конкретно группе приуральских татар принадлежит изображенный на рисунках комплекс костюма» (Суслова, Мухамедова 2000: 32). Это обстоятельство ограничивало возможности использования данных гравюр в качестве историко-этнографического источника.

Уточнить место создания зарисовок костюма «кунгурских» и «уфимских» татарок поможет комплексное исследование материалов Академического отряда Великой Северной экспедиции: не только рассмотрение материалов Г. Ф. Миллера, к которым они были приложены в качестве иллюстраций, но и исследование текстов другого участника этого отряда — И. Г. Гмелина. Дневниковые записи И. Г. Гмелина позволяют проследить маршрут отряда. Путь от г. Оса к Уральским горам, согласно ему, был следующим: г. Оса — Бурма² — Устурка³ — Кунгур — Сабарка⁴ — Брошево — Иргинские заводы — Ялум⁵ (Gmelin 1751). Очевидно, что основой для обозначения Г. Ф. Миллером татар как «кунгурские» и «уфимские», было существовавшее на тот момент административное деление, а зарисовки татарских женских костюмов были сделаны в населенных пунктах Кунгурского уезда и Уфимской провинции. Однако маршрут экспедиции проходил по Кунгурскому уезду и практически обошел Уфимскую провинцию с севера, лишь затронув самый северный ее край в районе г. Оса и у д. Ялым (в поречье р. Бисерть).

Первой татарской деревней по дороге от Сарапула до Екатеринбурга была Бурма. И. Г. Гмелин сообщает о ее населении следующее: «Татары, живущие здесь, относятся к кунгурским татарам, и как нам объяснил татарский переводчик, у них другой диалект по сравнению с казанскими. И женщины одеваются немного по-другому⁶» (Gmelin 1751: 105). Население Бырмы — кунгурские татары, так же как и население следующей татарской деревни — Усть-Турки, лежащей между д. Бырмой и г. Кунгуром. После Кунгура очередной татарской деревней на маршруте был Ялым. Далее отряд двинулся на восток по малозаселенным территориям. Итак, на участке маршрута Оса — Екатеринбург отряд посетил три татарские деревни: Бырму, Усть-Турку и Ялым. Исходя из административной принадлежности этих населенных пунктов, можно заключить, что «кунгурские» татары были встречены Г. Ф. Миллером и И. Г. Гмелиным в Бырме и Усть-Турке, а «уфимские» — в Ялыме. В 1722 г. «татары

² С. Бырма Кунгурского района Пермского края.

³ С. Усть-Турка Кунгурского района Пермского края.

⁴ С. Сабарка Суксунского р-на Пермского края.

⁵ Д. Ялым Ачитского р-на Свердловской обл.

⁶ Перевод публикуемых фрагментов текста И. Г. Гмелина сделан автором статьи.

Уфимского уезда деревни Ялыма» были упомянуты еще В. Н. Татищевым (Юхт 1976: 189).

Приступая к анализу визуальных образов татарок в «Описании...» Г. Ф. Миллера, необходимо отметить, что, в отличие от изображений марийского и чувашского костюма, показанных в двух ракурсах (с лица и со спины), среди трех изображений татарского женского костюма (на одном фигура стоит лицом к зрителю, а на двух других — спиной) нет «пары», то есть изображений одного костюма в двух ракурсах. Так, на таблице № 8 фигура татарки, стоящая лицом к зрителю, имеет чересплечную перевязь, но ни на одной из фигур миллеровских татарок, стоящих к зрителю спиной (табл. № 6, 7), мы не увидим наспинной части этого украшения (в отличие от миллеровской чувашки, у которой аналогичное украшение присутствует в обоих ракурсах). К тому же в костюме татарки (табл. № 8) угадывается присутствие на уровне талии опоясывающего шарфа, но татарка на других изображениях (табл. № 6 и 7) не подпоясана. Очевидно, что изображения костюмных комплексов татарок в «Описании...» Г. Ф. Миллера были сделаны по зарисовкам с одежды и украшений трех разных женщин.

В Бырме И. Г. Гмелин так описал одежду кунгурской татарки: «У одной из них, за которую ее муж заплатил 50 рублей калымом, мы обнаружили длинный тонкий жестяной футляр, который был прикреплен к шарфу, обвязанному вокруг тела. В нем же находились иголка с ниткой. К этому футляру был привязан амулет, представляющий собой кость, извлеченную из колена бобра» (Gmelin 1751: 105).

Среди опубликованных Г. Ф. Миллером изображений татарок нет образа, обладающего всеми указанными в описании деталями. Но в одном костюме татарки (табл. № 8), как мы уже отметили, можно увидеть подобие опоясывающего талию шарфа, часть которого прикрыта перевязью, а у татарок на гравюрах № 6 и 7 одежда не подпоясана. Однако игольница и амулет отсутствуют в изображенном на гравюре № 8 костюме. Можно предположить, что эскиз этой гравюры был сделан с другого образца традиционной одежды кунгурских татар либо упомянутый И. Г. Гмелиным амулет не был виден в запечатленном ракурсе, то есть был привязан у правого бедра. Первое предположение представляется более вероятным, поскольку художник экспедиции, следуя полученным инструкциям, стремился фиксировать все интересные детали (в чем мы вскоре сможем убедиться), и это стремление определяло даже ракурс, в котором будет зарисован костюм, а потому трудно предположить, что такие любопытные детали, как игольник и кость-амулет, были просто «проигнорированы» художником. К тому же у женщины с гравюры № 8 в одежде есть эффектные украшения — нагрудник, перевязь, монетная шапочка с подбородочной монетной лентой и круглая фибула(?) на груди, которые даже не были упомянуты И. Г. Гмелиным при описании

одежды кунгурской татарки. Видимо, визуальный и словесный портреты кунгурских татарок были сделаны с разных натур.

На иллюстрации № 8 татарка изображена в полусферическом головном уборе, верхняя часть которого имеет чешуеобразную зашивку (вероятно, монетами), а нижняя часть от нее свободна. Подобные зашитые монетами шапочки существовали в costume, лямбирских мишарей (*кашпау*), молькеевских кряшен (*кашпау*, *кашбу*), а у елабужских кряшен в качестве головного убора была монетная повязка *маңгай тэңкәсе* (Суслова, Мухамедова 2000: 166). Названные уборы носили поверх головного полотенца или покрывала, при этом у елабужских кряшен край покрывала, прикрывающий лоб, мог оставаться открытым, потому что нижний край монетной повязки проходил выше — примерно так, как изображено на гравюре № 8. Схожие головные уборы полусферической формы, зашитые монетами, бытовали в costume бесермян: женская шапочка *кашту* и девичья *такья* (Лебедева 2008: 185), а также чувашей: женский убор (*хушту*) и девичий — *тухья* (ее некоторые варианты также могли быть украшены рядами нашитых монет) (Николаев и др. 2002: 123, 140–141, 191); существовали они и в costume марийцев: девичья шапочка *такья* и женский монетный убор *ошту* (Молотова 2020: 180, 184, 302, 314; Lehtinen 1994: 35–37, 70).

Монетную шапочку на гравюре дополняет снизу подбородочное украшение, состоящее из круглых элементов (вероятно, монет). Предполагать их наличие здесь позволяют этнографические данные. У лямбирских мишарей к нижнему краю *кашпау* крепилось подобное ожерелье из монет *тамакча* (Суслова, Мухамедова 2000: 167). Подбородочная тесьма с нашитыми на нее монетами (*сагалдырык*) существовала в costume приуральских и зауральских татар (Суслова, Мухамедова 2000: 158, 244). У башкир подобное украшение известно в северо-восточном и зауральском комплексах под схожим названием *һагалдырык* (Шитова 1968: 227). Чувашские уборы из монет, бисера, кораллов (*хушту*, *тухья*) также могли быть дополнены снизу лентой с нашитыми на нее монетами, которая должна была обрамлять лицо, подбородок хозяйки (Николаев и др. 2002: 72, 122, 125, 183 и др.). Шейно-ушное украшение подобного типа из монет, пришитых к тесьме или цепочке бисера (*онгылашыймал*), существовало и в costume луговых марийцев (Меджитова 1985: 64; Молотова 2020: 138).

Другим украшением в запечатленном на гравюре № 8 костюмном комплексе является нагрудник, украшенный, очевидно, также монетами. Он закрывает только верхнюю часть торса. Нашитые в четыре ряда монеты расположены дугообразно. По верхнему краю этого нагрудника, огибающему шею, проходят два ряда мелких бус (вероятно, кораллов). По своей форме он напоминает широко распространенный среди татар-кряшен нагрудник *тамакса* (Суслова 2018: 215, 217), имевший форму

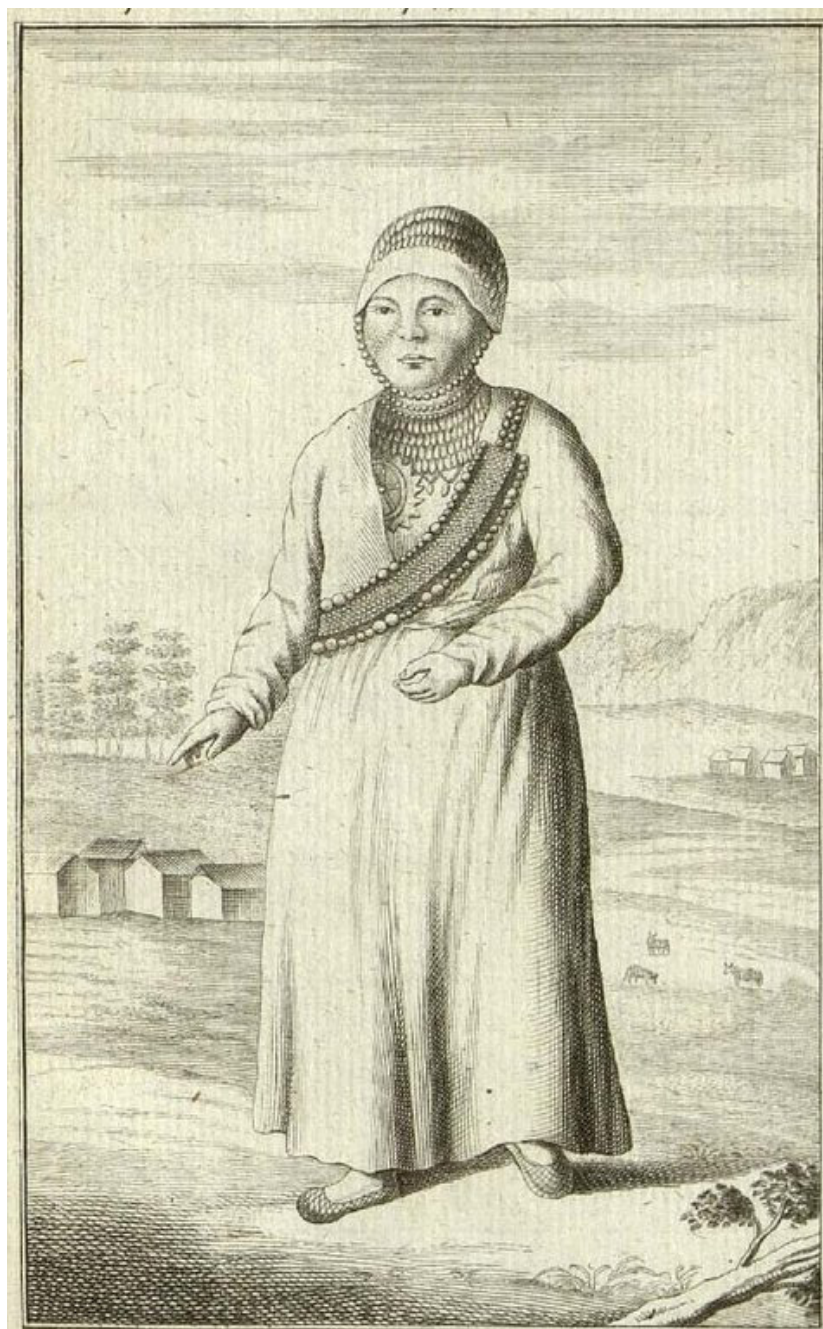

Рис. 1. Иллюстрация № 8. Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791

Fig. 1. Illustration No. 8. Müller G. F. Description of the Pagan Peoples Living in Kazan Province. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1791

лунницы, обрамленный по верхнему краю кораллами и зашитый рядами монет. Нагрудники лунообразной формы под тем же названием бытовали и у татар Пермского края, проживавших в непосредственной близости от мест, по которым пролегал маршрут экспедиции⁷. Схожей формы нагрудники (*сұха*) существовали у приуральских чувашей (Николаев и др. 2002: 200). У нагрудника, изображенного на гравюре, можно видеть отходящие от его нижнего края зубцы-треугольники с овальными элементами на вершинах. Эта деталь весьма напоминает характерное для башкирских нагрудников (*селтәр, яга*) оформление нижнего края монетами, подвешенными на одной или двух коралловых нитках. С. Н. Кучевасовой был опубликован нагрудник *буйынча*, бытовавший среди башкир Свердловской области. Он своей формой и декоративным оформлением чрезвычайно близок к нагруднику изображенному: по его верхнему краю пришито несколько рядов кораллов, далее — монеты и уковки, а к нижнему краю подвешены на нитях монеты (Кучевасова 2006: 70).

С левого плеча под правую руку женщины, изображенной на иллюстрации № 8, поверх ее одежды надета перевязь, которая, вероятно, также была защита кораллами и монетами. Подобные монетные украшения бытовали у татар и башкир (*хаситә, дәват, әймәзек*), чувашей (*тевет*). В татарском костюме перевязи могли носиться в комплекте с нагрудником луновидной формы (как, например, у елабужских кряшен). В той же комплектности эти два украшения изображены на гравюре.

Ближайший аналог комплекта монетных украшений, изображенного на гравюре № 8 (головная повязка, оставляющая видимым край головного покрывала, луновидный нагрудник, перевязь), имеется в костюме елабужских кряшен. Близость «архаических» элементов в одежде татар пермской зоны (по материалам XX в.) к традициям елабужских кряшен ранее отмечали С. В. Сулова и Р. Г. Мухамедова (Сулова, Мухамедова 2000: 255).

На правой стороне груди в костюме татарки (табл. № 8) ниже нагрудника присутствует прикрытый правой полкой верхней одежды элемент, имеющий круглую звездчатую форму (вероятно, фибула-украшение). Сходную «многолучевую» форму могли иметь ювелирные бляхи татар, пришивавшиеся в качестве украшений к их перевязям (Сулова, Мухамедова 2000: 232–233; Сулова 2018: 86). Можно было бы предположить, что на гравюре изображена ювелирная брошь подобной формы, которая скрепляла разрез рубахи (разрез на рубахе в этом случае должен быть косым, т. к. на гравюре украшение смещено в сторону). Но, по материалам С. В. Суловой, броши получили распространение

⁷ А. В. Черных опубликовал подобный нагрудник из д. Щелканка Ординского района Пермского края, которая расположена всего в 9 км от с. Усть-Турка (Черных 2017: 202–203).

в одежде татар только в конце XIX — начале XX в.⁸, а женские рубахи с косым разрезом не бытовали.

Форма изображенного звездчатого украшения схожа с традиционной марийской заколкой круглой формы *шыркама*, которой скрепляли разрез женских рубах. У местных уральских марийцев старинные рубахи архаичного кроя могли иметь косой нагрудный разрез (от правого края горловины к центру груди), при этом шыркама, скрепляющая его, оказывалась чуть правее по сравнению с центром. Мог ли в XVIII в. в костюме татар присутствовать подобный заимствованный элемент?

Прикамье и Приуралье в XVIII в. имели пестрый этнический состав. На территории (от Осы до Екатеринбурга), по которой проходил маршрут экспедиции, проживали русские, татары, башкиры, чуваша, марийцы, удмурты, существовали неоднородные по этническому составу деревни (Чагин 1995: 46). Эта ситуация способствовала распространению межэтнических браков. Так, например, «в 1762 г. почти все мужчины-язычники черемисской деревни Какшина, расположенной в Сылвенском поречье, имели жен-татарок» (Шумилов 2008). В ряде татарских селений края существуют предания «об участии марийцев в формировании населения некоторых деревень» (Черных 2013: 60). Зафиксированы такие предания и в Усть-Турке (Черных 2013: 60), через которую прошел маршрут отряда Г. Ф. Миллера. Не исключено, что на начальных этапах марийско-татарского взаимодействия некоторые особенности кроя рубах и элементы (шыркама), характерные для костюма уральских марийцев, могли сочетаться с татарскими традициями в одежде, с комплексом украшений, характерным для них. Высказанное предположение не более чем версия, попытка дать трактовку одного из элементов изображенного костюмного комплекса кунгурской татарки, прототип которого и позднейшие соответствия не удается отыскать в традиции татар Поволжья и Приуралья. Если учесть историю формирования населения края, его сложный культурный ландшафт, то такое предположение вполне допустимо.

Очень подробное описание женского костюма И. Г. Гмелин сделал в д. Ялым — описание одежды «уфимской» татарки. В своем дневнике он сообщает: «Одежда женщин была какой-то особенной от того, что мы у других татар наблюдали. Хотя тело было одето на русский манер, в платье, отделанное спереди петлицами...» (Gmelin 1751: 109). В этом отрывке И. Г. Гмелин упоминает, вероятно, петли из нашитого шнура или тесьмы, характерные в прошлом для традиционной верхней одежды русских (ее изображения мы встречаем в источниках XVII в., в том числе среди иллюстраций к сочинениям С. Герберштейна, А. Олеария

⁸ На татарских брошах подобной формы (с лучами) вершин 8, иногда — 12, а у изображенного украшения их было примерно в два раза больше, т. е. в видимой его части (которая составляет почти половину) 10 вершин.

и А. Мейерберга). Среди иллюстраций в сочинении С. Герберштейна присутствует также изображение «татарина» (*Tartarus*) в верхней одежде с подобной отделкой на груди в виде горизонтальных нашивок шнура. В верхней одежде с такими нашивками на полах изображена и марийка у А. Мейерберга, и удмуртка у Г. Ф. Миллера. Вероятно, в прошлом нашивки тесьмы или шнура, идущие от нагрудного разреза рубахи или от края полы верхней одежды, были распространены у народов Волго-Уральского региона, чему существуют прямые и косвенные подтверждения (Нечвалода 2016: 130–132). Любопытно, что традиция нашивать шнур на полы кафтана существовала в прошлом также и у марийцев, проживавших чуть южнее д. Ялым⁹. В свете вышесказанного представляется весьма вероятным подобное оформление одежды и у татар в поречье р. Бисерть, упомянутое И. Г. Гmeliным. Именно эта черта декоративного убранства, вероятно, и вызвала у путешественника ассоциации с русской одеждой.

Однако, характеризуя костюм «уфимских» татарок, И. Г. Гмелин основное внимание уделил их головному убору. Сопоставление его текста с визуальными образами татарского костюма из материалов экспедиции выявило почти полное соответствие описанного им головного убора изображенному на таблице № 7 в «Описании...» Г. Ф. Миллера. И. Г. Гмелин начинает его характеристику так: «...головной убор выглядел совсем по-другому. От обеих ушей свисает соединенная вместе лента шириной в два пальца, но с одним рядом копеек, который украшен с двух сторон кораллами; а скрепляются ленты вместе под подбородком. Сверху голова была покрыта шапочкой, которая наверху в середине была кругло вырезана. Шапочка чистыми серебряными копейками плотно усеяна и обрамлена по кругу маленькими красными кораллами на ширину в полтора пальца. Сзади она оканчивается хвостом, который приблизительно такой же тяжелый, как женщина, которая его носит». (Gmelin 1751: 109).

Защитая монетами круглая шапочка, имеющая «хвост», круглое отверстие на макушке и ленту, идущую от края шапочки под подбородок, хорошо видна на гравюре № 7. Оформление этих лент соответствует их описанию: по центру в один ряд расположены крупные круглые элементы — очевидно, монеты, свободное пространство вдоль краев вполне могло быть зашито кораллами (как указано в описании). На гравюре кромка «круглой шапочки» (в лицевой ее части) выделена тоном и более мелкими размерами «чешуек»/«зерен». Возможно, что этот особый нижний ряд — упомянутый в тексте зашитый кораллами край шапочки.

⁹ ПМА, 2002 г. У марийцев д. Юва Красноуфимского района Свердловской области, расположенной в 40 км от д. Ялым, мною был обнаружен белый холщовый женский кафтан начала XX в. с нашивками на груди (у края пол) декоративными петлями из черного шнура, свободные концы которого служили завязками.

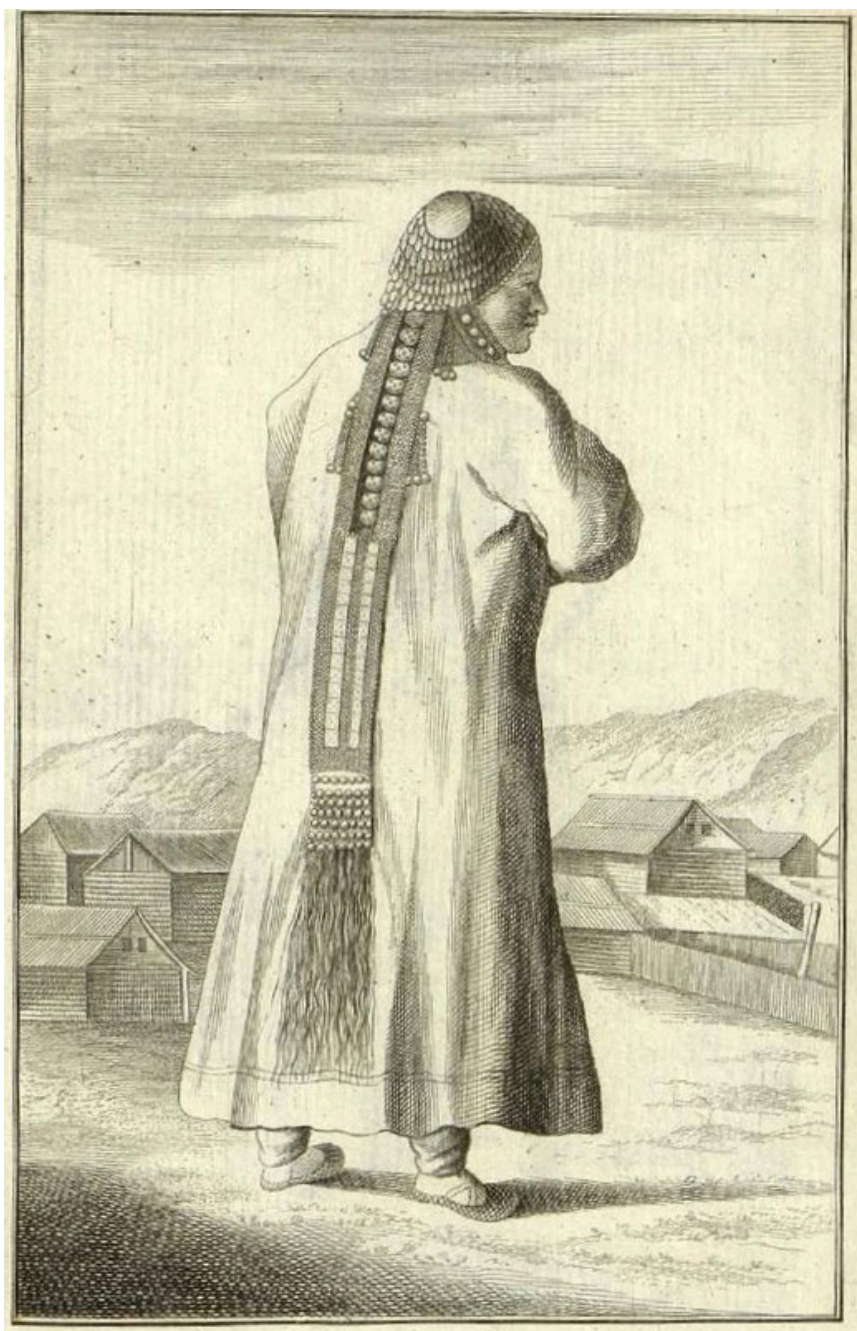

Рис. 2. Иллюстрация № 7. Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов... СПб., 1791

Fig. 2. Illustration No. 7. Müller G. F. Description of the Pagan Peoples Living in Kazan Province. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1791

И. Г. Гмелин подробно описывает оформление наспинной лопасти убора, не пропуская деталей: «В начале своей длины он украшен девятью жестяными жетонами (*Schaupfennigen*¹⁰), которые по бокам и снизу густо усеяны кораллами. По обе стороны от жетонов свисает одна цепочка кораллов почти пять дюймов [12,7 см. — *Примеч. авт.*] в длину и семь цепочек более четырех дюймов в длину [более 10,16 см. — *Примеч. авт.*]» (Gmelin 1751: 109). Висящие с двух сторон «хвоста» цепочки кораллов на гравюре присутствуют в виде кистей, закрепленных у верхнего края наспинной лопасти, их длина примерно соответствует указанной в описании. Упомянутые в тексте девять пришитых жетонов, расположенных между ними, составляли, очевидно, горизонтальный ряд. Вероятно, эти девять жетонов были мелкими (жетоны-копейки), т. к. в противном случае они не разместились бы в ширине «хвоста», а потому на гравюре сливаются с монетной зашивкой поверхности шапочки.

Далее И. Г. Гмелин сообщает: «После этих монетовидных жетонов следуют еще тринадцать других; двенадцать из них белые, а тот, который завершает этот ряд, — желтый. Весь ряд составляет в длину два фута [61 см. — *Примеч. авт.*]. По бокам этих жетонов хвост покрыт тремя рядами кораллов различных цветов шириной в полтора пальца, а снизу закрыли их тремя рядами кораллов поперек» (Gmelin 1751: 109–110). Действительно, на изображенной наспинной лопасти присутствует идущий от верхнего края вертикальный ряд из 13 круглых элементов (очевидно, жетонов), обрамленный по сторонам пространством, которое имеет на гравюре «рябую» фактуру, весьма напоминающую фактуру нашитых кораллов. Длина этой части «хвоста», судя по изображению, примерно соответствует указанным в тексте Гмелина двум футам. Снизу ряд из 13 жетонов ограничен полоской с той же фактурой, что и обрамляющие его полосы, весьма похожей на поверхность, зашитую кораллами, — «три ряда кораллов поперек».

На верхнем участке наспинной лопасти присутствует элемент, который не ускользнул от внимательного взгляда исследователя: «От седьмого жетона, с обеих (двух) сторон, свисает связка кораллов длиной 4,5 дюйма [11,3 см. — *Примеч. авт.*], каждая ее цепочка имеет в начале два крупных коралла, а заканчивается одной серебряной копеей» (Gmelin 1751: 110). Удивительно, но на гравюре на уровне между 6-м и 7-м жетонами (из упомянутых 13) изображены пришитые с двух сторон кисти, каждая нить в которых начинается и заканчивается круглыми

¹⁰ Монетовидные жетоны. Они не были предназначены для расчетов, чеканились как памятные монеты. Возможно, И. Г. Гмелин упоминает счетные жетоны (нем. *Rechenpfennig*), которые в Европе к XVIII в. уже утратили свое назначение, но их «купцы в большом количестве привозили в Россию, где они становились элементами декора женских украшений (монисто). Счетные жетоны с круглыми отверстиями, предназначенные для пришивания, археологи до сих пор находят при раскопках на территории Поволжья, Урала и Сибири» (Руденко, Мишкевич 2016: 274). Они встречаются и на подобных головных уборах XVIII в.

элементами, превышающими своими размерами мелкие бусины нитей. К тому же у кисти, пришитой слева в ее верхней части, изображены две круглые бусины, как и было указано в описании И. Г. Гмелина. Его текст позволяет увидеть в нижних элементах изображенных кистей монеты, а в верхних — крупные кораллы.

Переходя к описанию нижней части наспинной лопасти, И. Г. Гмелин пишет: «От этих жетонов хвост делится на две части, каждая из которых на всю длину украшена четырнадцатью четырехугольными белыми элементами, которые с обеих сторон обрамлены тремя рядами кораллов» (Gmelin 1751: 110). На изображенной наспинной лопасти головного убора можно видеть, что в нижней половине «хвоста» нашивки расположены не в один ряд посередине, а в два ряда, по 14 штук в каждом (как и указано в описании). Нашивки эти светлые и прямоугольной формы (как и пишет И. Г. Гмелин) и обрамлены темным полем — вероятно, упомянутыми в тексте кораллами, расположенными в три вертикальных ряда.

Далее И. Г. Гмелин сообщает: «От каждого из этих рядов кораллов свисают пять цепочек крупных кораллов длиной в четыре дюйма [10,16 см. — *Примеч. авт.*]; и заканчивается это нитями, образующими снаружи кисть» (Gmelin 1751: 110). На гравюре ниже темного поля (вероятно, участков «хвоста», зашитых кораллами) мы видим несколько рядов из круглых бусин. Возможно, это упомянутые в описании ряды крупных кораллов. Но элементов этих на конце «хвоста» головного убора не пять, а семь рядов (и по вертикали, и по горизонтали). Можно было бы предположить, что художник ошибся, но во всех остальных фрагментах изображения с бухгалтерской точностью было передано количество рядов, нашивок и бусин, упомянутых И. Г. Гмелиным. Можно было бы также предположить, что два «лишних» ряда на гравюре — это монеты. Но тогда возникает вопрос: почему в столь детальном описании они не упомянуты? Этот вопрос остается пока без ответа.

Изображение наспинной лопасти головного убора уфимской татарки завершается снизу пришитой длинной бахромой, которая соотносится с упомянутыми в описании И. Г. Гмелина нитями, завершающими убранство «хвоста». Использование народами Волго-Уральского региона кистей и бахромы из шерстяных нитей в качестве традиционного способа украшения одежды дает основание предположить, что бахрома на хвосте головного убора «уфимской» татарки была сделана из шерстяных нитей.

Изображенный на гравюре № 7 головной убор «уфимской татарки» наиболее близкие соответствия находит в конструкции башкирского женского головного убора *кашмау*. *Кашмау* имел и «хвост» (соответствующий изображенному по длине и ширине), и подобное отверстие на затылке, и ленты, соединявшиеся под подбородком и удерживавшие убор на голове (ширина которых вполне соответствует указанной в тексте И. Г. Гмелина — «в два пальца»). Однако на

башкирских кашмау монеты нашивались только вокруг отверстия на затылке в несколько рядов, а бóльшая часть шапочки покрывалась нитями кораллов. Полусферические, зашитые монетами шапочки, как было отмечено выше, бытовали у лямбирских, симбирских мишарей (*кашпау*), у молькеевских кряшен (*кашпау*, *кашбу*). Но в начале XX в. мишарские кашпау не имели тяжелой длинной наспинной лопасти и не все типы мишарских кашпау обладали отверстием на макушке, а у кашпау молькеевских кряшен была отличная от изображенной на гравюре шлемовидная форма шапочки (Сулова, Мухамедова 2000: 186, 190; Сулова 2018: 194, 218). С. В. Сулова и Р. Г. Мухамедова отмечали, что в начале XX в. бытование кашпау у татар было «в целом связано с территорией Окско-Сурского междуречья» (Сулова, Мухамедова 2000: 167). Материалы Академического отряда Великой Северной экспедиции определенно свидетельствуют, что в XVIII в. этот тип головного убора входил также в состав женского костюма татар северо-восточных групп. Изображение «уфимской татарки» у Г. Ф. Миллера, как и графические материалы французского художника Ж.-Б. Лепренса, свидетельствует, что в XVIII в. у татар Волго-Уральского региона бытовал женский головной убор в виде зашитой монетами шапочки с длинной наспинной лопастью.

Монетно-коралловая шапочка с отверстием в верхней части и длинной наспинной лопастью существовала и в женском костюме чувашей (*хушту*). Притом что форма чувашских *хушту* отлична от изображенного убора, в оформлении чувашских *хушту* XVIII в. существовали черты, сближавшие их с рассматриваемым убором «уфимской татарки». Так, в иллюстрациях к сочинению П. С. Палласа на головных уборах чувашек также можно видеть кисти, пришитые по сторонам «хвоста», которые присутствуют и на изображении «уфимской татарки» у Г. Ф. Миллера, и в описании И. Г. Гмелина. Эти кисти можно увидеть и на приобретенной П. С. Палласом наспинной лопасти чувашского головного убора из фондов МАЭ РАН (МАЭ № 766-6), и на *хушту* XVIII–XIX вв. из фондов Саратовского областного музея краеведения (Николаев и др. 2002: 241). Судя по изображениям XVIII в., служащим иллюстрациями к сочинениям П. С. Палласа и И. П. Фалька, у башкир и чувашей наспинная лопасть подобного головного убора в прошлом также заканчивалась бахромой из нитей. И. Г. Гмелин, описывая убор «уфимской татарки», указал на существовавшее различие в материалах, использованных для украшения шапочки и для ее наспинной лопасти: шапочка покрыта монетами из чистого серебра и обрамлена красными кораллами, а «хвост» — жестяными монетовидными жетонами и «кораллами» различных цветов (очевидно, речь идет о цветном бисере). У чувашей и башкир хвостовая часть подобного убора декорировалась разноцветным бисером, причем в украшении собственно шапочки башкирских *кашмау* использовался не бисер, а только кораллы, что еще больше сближает описанный и изображенный

убор «уфимской» татарки с башкирским *кашмау*. Это неудивительно, т. к. территория верховий р. Уфы и поречья р. Бисерти в течение многих веков была зоной тесного татаро-башкирского взаимодействия и культура татар этой зоны «отличается сильным влиянием башкирского компонента» (Исхаков 1993: 39), что отразилось и на традиционном костюме. Как отмечают исследователи татарской народной одежды, в костюме татар восточного этнокультурного ареала прослеживаются очевидные «башкиризмы» (Сулова, Мухамедова 2000: 257). В описании головного убора уфимской татарки И. Г. Гмелин упоминал жетоны, которые наравне с монетами использовались для украшения «хвоста». Счетные европейские жетоны в прошлом широко применялись народами Поволжья, Урала и Сибири в женских украшениях (Руденко, Мицкевич 2016: 274).

И. Г. Гмелин, отметив, что костюм татар в д. Ялым особый, а «головной убор выглядел совсем по-другому», подробнейшим образом описал лишь хвостовую часть головного убора. Очевидно, что именно наспинная лопасть была для академика тем «особым», ярким впечатлением, той деталью, которую он не встречал у других татар, т. к. верхняя часть убора — зашитая монетами полусферическая шапочка, изображенная на всех трех рассмотренных гравюрах — сближала, а не обособляла одежду кунгурских и уфимских татар. Потому исследователь так подробно описал «хвост» убора и потому, вероятно, уфимская татарка изображена спиной к зрителю — члены экспедиции посчитали важным визуально зафиксировать то, что наиболее ярко отражает локальную специфику костюма. Видимо, по той же причине фигура на гравюре № 6 также изображена спиной — у нее на голове убор с длинной хвостовой частью. Поскольку именно наличие наспинной лопасти у головного убора было специфическим, отличающим костюм уфимских татар признаком, можно предположить, что зарисовка для таблицы № 6 (с женщины в шлемовидном уборе с длинной лопастью на спине) была сделана также в д. Ялым и на этой гравюре перед нами предстает другой образец женского костюма «уфимских» татар.

Изображенная на гравюре № 6 женщина стоит спиной к зрителю. На этой гравюре мы вновь видим, что костюм татарки венчает шапочка, зашитая монетами. Она имеет шлемовидную форму с заостренным верхом, по нижнему краю в лицевой части проходит ряд круглых элементов (вероятно, монет или жетонов), в котором чередуются две крупные и три мелкие детали, а на спину спускается длинный «хвост», плотно покрытый в верхней части продолговатыми нашивками. Его вертикальные края обрамляют нашитые в два ряда мелкие бусины (очевидно, кораллы или бисер), они же покрывают нижнюю часть «хвоста». Завершают композицию нашивок девять рядов круглых бусин или монет. Нижний край «хвоста» украшает бахрама из длинных нитей.

К нижнему краю шапочки рядом с наспинной лопастью пришита цепочка круглых элементов (монет или жетонов), которая уходит вперед, огибая подбородок. Как мы уже отмечали, подобное ожерелье из монет *тамакча* крепилось к нижнему краю мишарской монетной шапочки *кашпау* (Суслова 2018: 122; Суслова, Мухамедова 2000: 167), ряд монет под подбородком мог дополнять убранство и чувашских головных уборов, зашитых монетами (*хушпу*, *тухья*).

На правом плече изображенной фигуры лежит край полотенца. Можно предположить, что эту монетную шапочку носили в комплексе с головным полотенцем, надевая поверх него. Подобная комплектность была характерна для женского костюма народов Волго-Уральского региона. С головным полотенцем *тастар* носили *кашмау* башкирки, а *кашпау* — мишарки. Чувашки надевали шапочку *хушпу*, зашитую кораллами, монетами и бисером поверх полотенца сурпан. Марийцы носили монетную шапочку с отверстием на макушке *ошпу* поверх головного полотенца *шарпан*.

Изображенный на гравюре № 6 головной убор своей шлемовидной формой больше соответствует девичьему убору чувашей *тухья*. Одним из основных отличий девичьих шапочек, зашитых монетами и кораллами, от женских у народов Волго-Уральского региона (чувашей, башкир, марийцев, бесермян) являлась закрытая макушка (у девичьих) или открытая, имеющая отверстие (у женских). Однако считать изображенный на гравюре № 6 костюмный комплекс девичьим нельзя, т. к. подобные девичьи уборы у народов Волго-Уральского региона, в отличие от женских, не имели наспинной лопасти и их не носили поверх головного полотенца. У татар бытовал широкий, длинный девичий накосник, украшенный монетами, и можно было бы предположить, что на гравюре № 6 изображены он и девичья монетная шапочка. Но это представляется маловероятным, поскольку не была зафиксирована практика носить их в комплексе, а девичьи шапочки не носили поверх головного полотенца.

Вероятно, перед нами изображение костюма замужней женщины. У мишарей монетные шапочки женщин *кашпау* имели как открытый, так и закрытый верх, а у молькеевских кряшен *кашпау* имели литой остроконечный верх (Суслова, Мухамедова 2000: 166). Еще П. С. Паллас писал, что чувашская шапка *хушпу* отличалась от татарской тем, что «на теме вместе не сшита, но отверста...» (Паллас 1773: 136), то есть в XVIII в. подобные уборы татарских женщин могли иметь закрытое темя. Шапка-шлем, изображенная на гравюре № 6, имеет некоторое сходство и со старинным головным убором татарок *такья бурек* в виде конусовидной шапки с наверхшем (Суслова, Мухамедова 2000: 165–166). И. Г. Гмелин не оставил описания, которое можно было бы сопоставить с изображением на гравюре № 6, потому наш анализ ограничен и краток.

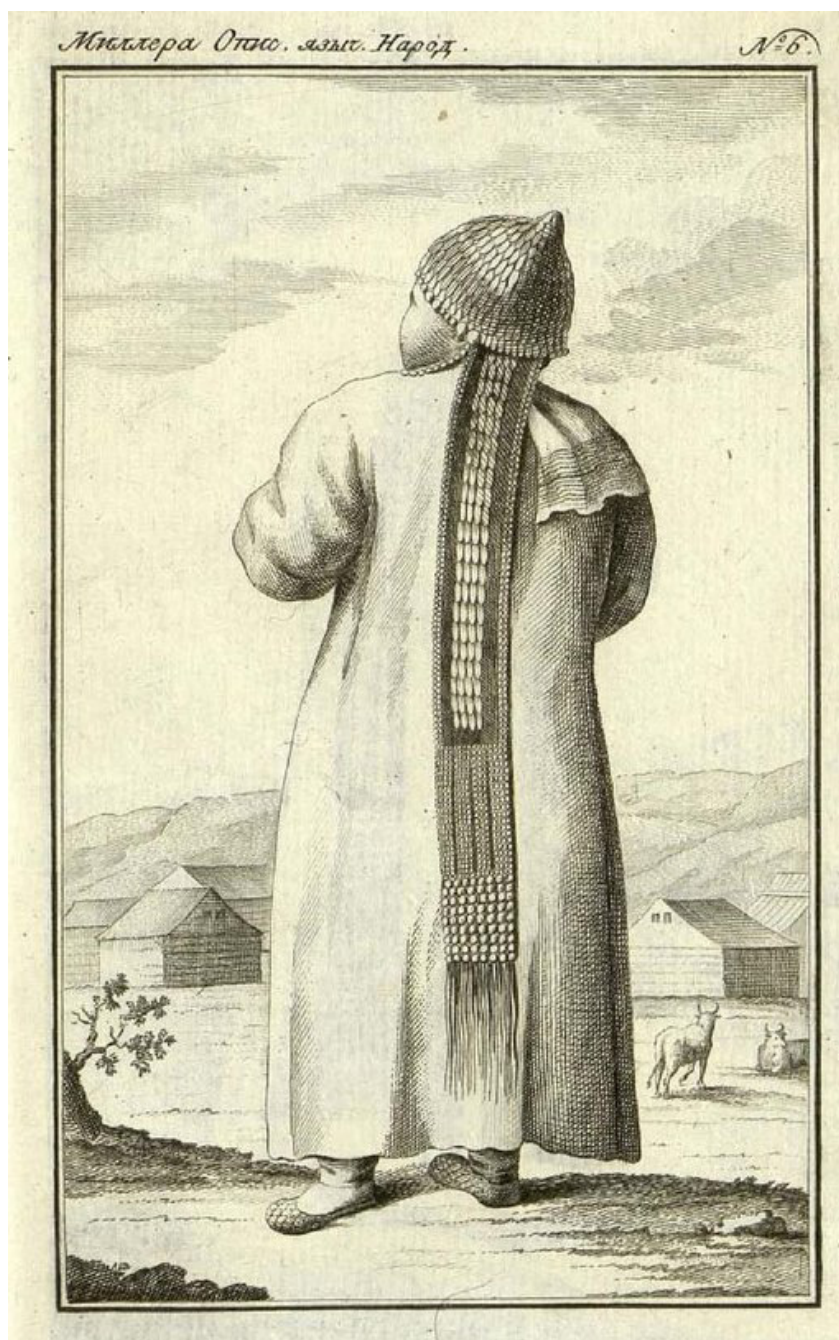

Рис. 3. Иллюстрация № 6. Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов... СПб., 1791

Fig. 3. Illustration No. 6. Müller G. F. Description of the Pagan Peoples Living in Kazan Province. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1791

Завершая анализ элементов костюма и их характеристик, запечатленных на гравюрах № 6–8 в «Описании...» Г. Ф. Миллера, обратим внимание на обувь. Руководимый Г. Ф. Миллером отряд Великой Северной экспедиции посетил деревни кунгурских и уфимских татар в декабре, а женщины на миллеровских гравюрах изображены в лаптях. Это неудивительно, т. к. даже в XX в. лапти (*чабата*) у пермских татар и башкир были «самым популярным и широко распространенным видом обуви», который к тому же был и всесезонным (Черных 2017: 308). Благодаря этим миллеровским гравюрам можем утверждать, что основной всесезонной обувью у пермских татар уже в XVIII в. были лапти.

Фон у гравюр условен: фигуры кунгурской и уфимских татарок вписаны в летние пейзажи с горами, постройками, копытными животными, деревьями, покрытыми листвой (на заднем плане иллюстрации № 8), в них есть изображения веток с листьями (на переднем плане иллюстраций № 6 и 8), притом что полевые наброски — оригиналы для этих гравюр, как было отмечено, сделаны в декабре.

Единая манера изображения фигур в иллюстрациях к «Описанию...» Г. Ф. Миллера (их пропорции: коренастость, крупная голова, маленькие ступни, некоторая их угловатость) позволяют предположить, что эти иллюстрации были выполнены одним человеком. Это мог быть участник экспедиции художник И. Х. Беркхан. Деревни Бырма и Усть-Турка посетили в сопровождении нескольких солдат только Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин и И. Х. Беркхан, а И. В. Люрсениус в это время продолжал движение с оборудованием и солдатами по маршруту в Кунгур. Зарисовки костюма кунгурской татарки мог выполнить только И. Х. Беркхан, столь тщательно прорисованные, точные в деталях изображения — заслуга этого художника. И. Г. Гмелин в тексте называет И. Х. Беркхана художником, живописцем (*Maler*¹¹), а И. В. Люрсениуса — рисовальщиком (*Zeichmeister*) (Gmelin 1751: 104, 105), И. Х. Беркхан получал жалованье 500 руб., а И. Люрсениус — 300 руб., И. Х. Беркхан делал рисунки животных и растений, И. В. Люрсениус же «изображению зверей не учился» (Черкашина 2011). Очевидно, что рисовать людей в их костюмах могли доверять только И. Х. Беркхану. Сегодня трудно представить, как и когда этот художник находил возможность при очень плотном графике экспедиции, стремительном движении по маршруту делать не просто наброски, а подробные прорисовки украшений. Из дневника И. Г. Гмелина известно, что он сам, а также Г. Ф. Миллер и художник И. Х. Беркхан в д. Бырма прибыли в 9 часов вечера 21 декабря. Далее сообщается: уже на следующий день, «22 декабря в половине шестого утра мы достигли деревни Устурка и в тот же день к обеду приехали в город Кунгур» (Gmelin 1751). Между прибытием в д.

¹¹ В тексте — *Malher*.

Бурма и д. Усть-Турка всего 8,5 часов (ночных), и за это время члены экспедиции должны были успеть поужинать, поменять лошадей, сделать наблюдения, дневниковые записи, зарисовки (а в декабре и в 9 вечера, и в 5:30 утра на улице темно) и добраться по зимней дороге до следующего пункта. Однако, как писали руководители экспедиции о работе художников в Сенат, «рисунки так тщательно деланы, как возможно было» (Черкашина 2011).

Анализ сведений об одежде и головных уборах кунгурских и уфимских татар XVIII в. и их изображений выявил многочисленные параллели ее элементам и декору в костюме других групп татар и народов Волго-Уральского региона. Среди таковых можно назвать: бытование женских головных уборов с открытой макушкой, зашивание их монетами и кораллами, наличие у подобных уборов наспинной лопасти, ношение подобных уборов в комплексе с головным полотенцем и подбородочной тесьмой, зашитой монетами, украшение наспинной лопасти монетами/жетонами и разноцветным бисером, кистями из низок кораллов, бахромой из нитей (по нижнему краю).

С. В. Суслова, характеризуя костюмный комплекс пермских татар XIX — начала XX в., отмечала: «В общих чертах он представляет собой наиболее архаичную вариацию казанско-татарского комплекса. В костюме пермских татар сохранились те реликтовые формы и элементы народной одежды, которые раньше вышли из употребления у самих казанских татар» (Суслова 2018: 157). Как закрепились в одежде северо-восточных групп татар эти реликтовые формы? Формирование татарского населения региона происходило в эпоху Золотой Орды, но самые ранние группы проникли в эти северные земли еще в болгарский период (Шумилов 2008). Очевидно, что древний, «реликтовый», сближающий традиции народов Волго-Уральского региона болгарский пласт в одежде был принесен на север предками-переселенцами еще в Средневековье.

В последующие века миграции из южных и западных территорий (из Поволжья и Закамья) продолжались, что привело к формированию пестрой этнической карты Прикамья и Приуралья (Чагин 1993; Шумилов 2008). В регионе в течение веков рядом с кунгурскими татарами проживали различные группы тюркоязычного населения (мишари, ногайские татары, чуваша, башкиры), которые «довольно органично вливались в состав кунгуров» (Шумилов 2008), что не могло не отразиться на одежде северо-восточных групп татар. Приток мигрантов в Прикамье и Приуралье после падения Казани, вероятно, также оставил свой след в костюме местных татар, усилив его связи с традициями тюркоязычного населения Поволжья. В итоге костюмные комплексы «кунгурских» и «уфимских» татар XVIII в., запечатленные И. Х. Беркханом, сохраняли «реликтовые» черты, роднившие их с одеждой народов Волго-Уральского региона, а кроме того, имели и некоторые особенности, сближавшие их либо

с елабужскими кряшенами (комплекс украшений кунгурской татарки), либо с башкирами (головной убор «уфимской» татарки), либо с чувашами (кисти по сторонам наспинной лопасти головного убора «уфимской» татарки), которые, вероятно, закрепились позднее, уже на освоенных ими землях, став результатом межэтнических взаимодействий с вновь прибывавшими группами тюркоязычного населения.

Обособленное развитие двух групп татар (сылвенско-иренских — «кунгурских» и бисертских — «уфимских») в Прикамско-Приуральском регионе, протекавшее в условиях межэтнических взаимодействий, не могло не отразиться на их одежде и украшениях. Участникам Академического отряда Великой Северной экспедиции уже в XVIII в. были вполне понятны различия в традиционном женском костюме «кунгурских» и «уфимских» татар, эти отличия и были зафиксированы. Локальная специфика сохранялась и в дальнейшем, что позволило С. В. Суловой и Р. Г. Мухамедовой при этнокультурном районировании по материалам татарского костюма конца XIX — начала XX в. отнести эти группы к различным ареалам: «кунгурских» — к центральному («пермская» зона), а «уфимских» — к восточному (Сулова, Мухамедова 2000: 254, 257).

Обобщая изложенный материал, необходимо отметить, что изображения кунгурской и уфимских татарок в «Описании...» Г. Ф. Миллера углубляют наши представления об эволюции костюма татар этих групп, предъявляя нам головные уборы, которые к XX в. уже вышли у них из употребления. При этом уточняются наши представления об ареале бытования подобных уборов у татар в прошлом.

И дневниковые записи, и зарисовки участников академических экспедиций XVIII в. сами по себе являются ценнейшими историко-этнографическими источниками. Однако информативность их значительно возрастает при соотнесении вербальной и визуальной информации. Корректность исследования при сопоставлении текста и графического образа требует использования в анализе синхронных по времени источников, отражающих культуру одной локальной группы этноса. Особый интерес представляет сравнение материалов одной экспедиции, собранных в одном месте в одно время. Анализ иллюстраций в сочинении Г. Ф. Миллера в комплексе с описаниями И. Г. Гмелина — именно такой случай. Сопоставление изображений костюма «кунгурских» и «уфимских» татар с его описаниями XVIII в., с одной стороны, и с более поздними этнографическими данными — с другой, приводит нас к выводу, что эти визуальные образы точны и весьма достоверно отражают характеристики традиционного костюма представительниц сылвенско-иренских и бисертских татар, встреченных участниками Академического отряда Великой Северной экспедиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Исхаков Д. М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона. Казань: ИЯЛИ, 1993. 172 с.

Кучевасова С. Н. Костюм татар и башкир Урала // Народное искусство Урала. Традиционный костюм. Екатеринбург: Баско, 2006. С. 51–78.

Лебедева С. Х. Удмуртская народная одежда. Ижевск: Удмуртия, 2008. 208 с.

Меджитова Э. Д. Марийское народное искусство. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1985. 272 с.

Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб.: Изданием Имп. Акад. наук, 1791. 99 с., 8 л.

Молотова Т. Л. Марийский костюм. Йошкар-Ола: [б. и.], 2020. 383 с.

Нечвалода Е. Е. Изображение удмуртки и марийки в альбоме Августина Мейерберга (историко-этнографический анализ) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 10, вып. 2. С. 125–140.

Николаев В. В., Иванов-Орков Г. Н., Иванов В. П. Чувашский костюм от древности до современности. М.; Чебоксары; Оренбург: Фонд ист.-культурол. исслед. им. К. В. Иванова, 2002. 400 с.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1773. Ч. 1. 786 с.

Руденко И. В., Мицкевич И. В. Россия как часть нюрнбергских счетных жетонов XVIII–XIX вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 1. С. 255–277.

Сулова С. В. Татарский костюм: историко-этнологическое исследование. Казань: Татарское книжное изд-во, 2018. 239 с.

Сулова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX — начало XX в.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Фэн, 2000. 312 с.

Чагин Г. Н. Этнокультурная история Урала в конце XVII — первой половине XIX века. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1995. 364 с.

Черкашина А. С. Рисовальщики Второй Камчатской экспедиции // «О Камчатке и странах, которые в соседстве с нею находятся...»: материалы XXVIII Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский: Камчатская краев. науч. б-ка им. С. П. Крашенинникова. Информ.-изд. центр, 2011. С. 216–221.

Черных А. В. Традиционный костюм народов Пермского края. Татары и башкиры. СПб.: Маматов, 2017. 416 с.

Шитова С. Н. Народная одежда башкир // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1968. Т. 3. С. 125–227.

Шумилов Е. Н. Башкиры и кунгуры Пермского края // Ватандаш. 2008. № 10. С. 51–56.

Юхт А. И. Деятельность В. Н. Татищева на Урале в 1720–1722 гг. // Исторические записки / гл. ред. А. М. Самсонов. М.: Наука, 1976. Т. 97. С. 124–199.

Gmelin J. G. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Göttingen: Verlegts Abram Vandenhoecks seel.; Wittwe, 1751. Bd. 1. 467 S.

Lehtinen I. Tscheremissischer Schmuck. Ethnographische Untersuchung. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura Museovirasto, 1994. 372 S.

REFERENCES

- Chagin G. N. *Etnokul'turnaya istoriya Urala v kontse 17 – pervoy polovine 19 veka* [Ethno-cultural history of the Urals at the end of the 17th — first half of the 19th century]. Perm': Izdatel'stvo Permskogo universiteta Publ., 1995. (In Russian).
- Cherkashina A. C. [Draftsmen of the Second Kamchatka expedition]. *«O Kamchatke i stranakh, kotoryye v sosedstve s neyu nakhodyatsya...»: materialy 28 Krasheninnikovskikh chteniy* [“About Kamchatka and the countries that are in its neighborhood...”: materials of the 28 Krasheninnikov Readings]. Petropavlovsk-Kamchatskiy: Kamchatskaya krayevedcheskaya nauchnaya biblioteka im. S. P. Krasheninnikova. Informatsionno-izdatel'skiy tsentr Publ., 2011, pp. 216–221. (In Russian).
- Chernyh A. V. *Traditsionnyy kostyum narodov Permskogo kraya. Tatory i bashkiry* [Traditional costume of the peoples of the Perm region. Tatars and Bashkirs]. St. Petersburg: Mamatov Publ., 2017. (In Russian).
- Iskhakov D. M. *Etnograficheskie gruppy tatar Volgo-Ural'skogo regiona* [Ethnographic groups of Tatars of the Volga-Ural region]. Kazan': Institut yazyka literatury i iskusstva Publ., 1993. (In Russian).
- Kuchevasova S. N. [Costume of Tatars and Bashkirs of the Urals]. *Narodnoe iskusstvo Urala. Tradicionnyy kostyum* [Folk art of the Urals. Traditional costume]. Ekaterinburg: Basko Publ., 2006, pp. 51–78. (In Russian).
- Lebedeva S. H. *Udmurtskaya narodnaya odezhda* [Udmurt folk clothing]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2008. (In Russian).
- Lehtinen I. *Tscheremissischer Schmuck. Ethnographische Untersuchung*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura Museovirasto, 1994. (In German).
- Medzhitova E. D. *Mariyskoye narodnoye iskusstvo* [Udmurt folk clothing.]. Yoshkar-Ola: Mariyskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1985. (In Russian).
- Molotova T. L. *Mariyskiy kostyum* [Mari costume]. Yoshkar-Ola, 2020. (In Russian).
- Nechvaloda E. E. [Pictures of Udmurt and Mari Women in the Meierberg Album (Historical and Ethnographic Analysis of a Graphic Source)]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric studies], 2016, vol. 10, iss. 2, pp. 125–140. (In Russian).
- Nikolaev V. V., Ivanov-Orkov G. N., Ivanov V. P. *Chuvashskiy kostyum ot drevnosti do sovremennosti* [Chuvash costume from antiquity to modernity]. Moscow; Cheboksary; Orenburg: Fond istoriko-kulturologicheskikh issledovaniy imeni K. V. Ivanova Publ., 2002. (In Russian).
- Rudenko I. V., Mickevich I. V. [Rossika style as a part of Nuremberg Counting Tokens of 18th–19th centuries]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2016, no. 1, pp. 255–277. (In Russian).
- Shitova S. N. [Bashkir folk clothing]. *Arheologiya i etnografiya Bashkirii* [Archeology and ethnography of Bashkiria]. Ufa: Bashkirskaya Akademiya Nauk Publ., 1968, vol. 3, pp. 125–227. (In Russian).
- Suslova S. V. *Tatarskiy kostyum: istoriko-etnologicheskoye issledovaniye* [Tatar costume: historical and ethnological research]. Kazan': Tatarskoe knizhnoye izdatel'stvo Publ., 2018. (In Russian).

Suslova S. V., Muhamedova R. G. *Narodnyy kostyum tatar Povolzh'ya i Urala (seredina 19 — nachalo 20 vekov). Istoriko-etnograficheskiy atlas tatarskogo naroda* [Folk costume of the Tatars of the Volga region and the Urals (middle 19th — early 20th centuries). Historical and ethnographic atlas of the Tatar people]. Kazan': Fen Publ., 2000. (In Russian).

Yuht A. I. [V. N. Tatishchev's activity in the Urals in 1720–1722]. *Istoricheskie zapiski* [Historical notes]. Moscow: Nauka Publ., 1976, vol. 97, pp. 124–199. (In Russian).

Submitted: 30.04.2023

Accepted: 10.01.2024

Article published: 01.07.2024